

Едва голос её умолк, уши Цзян Чэньюэ слегка дрогнули. Она опустила голову и, понурясь, подошла к кровати Гу Шэн, тихо уселась на край и всё ещё не решалась поднять взгляд на её лицо.

Девятое высочество, опустив голову, ковыряла пальцы и надув щёки, пробормотала:

— Почему ты убежала? Я не могла тебя найти.

Гу Шэн невольно улыбнулась, словно вернувшись в прошлое, снова увидев того толстячка, который провалил экзамен, жалобно опустив голову и ковыряя пальцы.

— Я хотела немного подышать свежим воздухом, — спокойно улыбнулась Гу Шэн.

Взгляд Девятого высочества скользнул по её руке, на которой ещё не сошли синяки, и она снова опустила глаза, не решаясь поднять голову.

Гу Шэн спрятала руку в рукав и мягко произнесла:

— Не больно, Ваше высочество, не волнуйтесь.

Девятое высочество почесала ухо и смущённо заговорила:

— Может быть... это сладкое пирожное ударило...

Гу Шэн рассмеялась. Неужели она хочет свалить вину на пирожное?

Такой неловкий «извинение» всё же согрело её сердце, но она всё равно надула губы:

— Ваше высочество, как сладкое пирожное могло ударить меня по руке?

Девятое высочество начала уходить от темы... упорно избегая этого разговора.

Гу Шэн сжала губы и серьёзно сказала:

— Ваше высочество, Вам уже девять лет. В прошлом году Вы обещали мне стать ответственным человеком, иначе все будут считать Вас ребёнком.

Девятое высочество нахмурилась и, взглянув на неё, возразила:

— Я уже выросла!

— Да! — Улыбнулась Гу Шэн. — Ваше высочество уже взрослая, скоро сможете ездить на большой лошади по улицам, правда?

Девятое высочество кивнула.

Гу Шэн мягко улыбнулась:

— Тогда, Ваше высочество, разве не должна Вы быть смелой и брать на себя ответственность?

Девятое высочество оказалась перед трудным выбором, колеблясь между «ответственный взрослый должен извиниться» и «не извиниться и остаться ребёнком».

Гу Шэн, видя это, смягчилась. Она хотела сохранить лицо маленького аристократа, чтобы этот инцидент просто забылся, но в то же время хотела использовать эту ситуацию, чтобы научить

Девятое высочество учитывать чувства других.

Пока обе колебались, Гу Шэн увидела, как Девятое высочество вдруг встала и быстро направилась к двери, что заставило её вскочить с кровати, испуганно подумав: «Неужели она собирается сбежать!»

Однако, хотя Девятое высочество открыла дверь, она не вышла, а лишь приказала слугам за дверью:

— Все спуститесь вниз, временно закройте вход на второй этаж.

— Слушаюсь! — Слуги, получив приказ, быстро прошли по коридору, направляясь вниз.

Девятое высочество, выглянув из двери и убедившись, что все ушли, серьёзно закрыла дверь, затем тщательно проверила, плотно ли закрыты окна, и, наконец, нахмурившись, бросила взгляд на Гу Шэн, лежащую на кровати, с печалью в глазах...

— Ваше... Ваше высочество, что Вы задумали? — Гу Шэн смотрела на неё в изумлении.

Девятое высочество с трудом подошла к чайному столику и, наклонившись, потушила все лампы...

В комнате мгновенно стало темно, свет из окна едва проникал сквозь занавески, освещая всё вокруг лишь слабыми очертаниями.

Гу Шэн смотрела, как Девятое высочество, словно тень, быстро подошла к кровати и, без предупреждения, наклонилась над ней, как гора, нависающая над долиной...

— Ваше высочество? Ваше высочество! — Гу Шэн попыталась отодвинуться, но тёплая рука обхватила её шею, ладонь прижалась к её щеке.

Широкий мягкий рукав Девятого высочества лёгко скользнул по её лицу, вызывая лёгкое покалывание.

— Что Вы делаете! — Гу Шэн уже хотела оттолкнуть этого ребёнка.

«Неужели она не хочет извиняться и собирается меня прикончить? Сломать мне шею?! Аааа, нет!»

Когда Гу Шэн, зажмурив глаза, уже думала, что её конец близок, Цзян Чэньюэ наклонилась к её щеке, приблизившись на минимальное расстояние.

Длинные ресницы коснулись её уха, снова вызвав покалывание, и Гу Шэн чувствительно отдернула шею.

Затем, после тяжёлого глотка, Цзян Чэньюэ наконец заговорила, её голос был тихим, как лёгкий ветерок, и она прошептала Гу Шэн на ухо:

— Я не хотела.

Церемония извинения завершилась!

Девятое высочество, облегчённо вздохнув, встала и открыла окна, позвав слуг вернуться, чтобы зажечь лампы и подать чай, чувствуя себя бодрой и свежей.

Гу Шэн на кровати всё ещё была в шоке, не могла пошевелиться, её глаза были пустыми, и она сохраняла позу, в которой её только что обняли и тихо извинились...

«Маленький негодяй, неужели это было так сложно? Просто извиниться, аааа!»

Гу Шэн планировала как можно скорее принять участие в Столичном состязании талантов, чтобы получить титул красавицы, что позволило бы Цзян Хань впоследствии просить императора Цию о её назначении княгиней.

Но в этом году она только что стала лучшей среди музыкантов, и если бы сразу же участвовала в следующем состязании, это могло бы выглядеть как излишняя поспешность, что вызвало бы недовольство окружающих.

Даже её участие в Великом музыкальном состязании уже вызвало множество разговоров среди аристократов Императорской академии, которые утверждали, что она хочет поднять статус своего дома виконта, стремясь привязаться к Девятому высочеству.

Гу Шэн не хотела тратить силы на эти сплетни и решила отложить участие в Столичном состязании на год, чтобы в будущем, когда она будет с Цзян Хань, не получить дурной славы.

Вскоре наступило время, когда клены краснели, а камыши белели. Как и помнила Гу Шэн, именно в этом году, после начала осени, Гу Жао была принята в Дом князя Чэнъяня.

Даже если это было принятие наложницы, это не могло сравниться с церемонией свадьбы, и так называемые свадебные подарки были лишь средством купить тело Гу Жао.

Гу Шэн не понимала, откуда взялось выражение торжества на лице Гу Жао в тот день.

Для Гу Шэн, если в этой жизни не было возможности надеть свадебное платье, сделать макияж и стать в свадебный паланкин, чтобы быть официально принятой в дом любимого человека, а вместо этого быть купленной как товар, это было бы невероятно печально.

Однако госпожа Шэнь и её дочь выглядели гордыми, словно принесли славу своему роду, что вызывало у Гу Шэн смешанные чувства.

Размышляя об этом, Гу Шэн не могла не задаться вопросом: для аристократов, рождённых в доме виконта, разве не было честью выйти замуж за члена императорской семьи? Гордость госпожи Шэнь и её дочери была, в общем-то, нормальной.

Но откуда же взялись её собственные, столь отличающиеся взгляды?

Неужели это было из-за прошлой жизни, когда Цзян Хань настаивал на том, чтобы жениться на ней, что сформировало её столь придирчивый взгляд на любовь?

Пока Гу Шэн задумчиво смотрела вниз, нежная рука легла на её плечо, и в ушах раздался мягкий голос госпожи Янь:

— Шэн, нам не нужно завидовать сестре, которая стала чьей-то наложницей. Я никогда не хотела, чтобы ты стремилась к высокому положению, накопленного приданого хватит тебе на всю жизнь. Я лишь хочу, чтобы ты вышла замуж за человека, который будет считать тебя единственной на всю жизнь.

Гу Шэн повернулась к матери:

— ...

Ну что ж, она, вероятно, поняла, от кого унаследовала свои взгляды на любовь.

Госпожа Янь улыбалась, словно цветок. Хотя её жизнь не сложилась так, как она хотела, время не оставило на её лице слишком много следов жестокости.

Самый тяжёлый период её жизни, вероятно, был тогда, когда наложница Шэнь, только что вошедшая в Дом Гу, родила ребёнка господину Гу. Это было время, полное тревоги и беспокойства.

Тогда госпожа Янь ещё не потеряла надежду и думала, что после рождения её собственного ребёнка господин Гу снова будет принадлежать ей полностью. Но когда родилась Гу Шэн, отношение Гу Сюаньцина окончательно разбило её сердце.

С тех пор усталость и чувство потери больше не касались её лица. Её время словно остановилось в тот год, когда она потеряла надежду, и больше не текло.

После захода солнца Гу Шэн, что было редкостью, попросила спать вместе с матерью, и они, обнявшись, разговаривали до глубокой ночи.

Воспользовавшись хорошим настроением матери, Гу Шэн набралась смелости и сказала:

— Мама, если я благополучно выйду замуж, сможешь ли ты спокойно уйти из этого ужасного места?

Лицо госпожи Янь вдруг напряглось, она посмотрела на дочь и с удивлением спросила:

— Что ты сказала?

Гу Шэн подняла голову, и при свете луны её глаза, похожие на абрикосы, блестели, как лакированные, она твёрдо смотрела на мать:

— Мама, уходи из дома Гу, разведись с Гу Сюаньцином, он не достоин быть моим отцом и тем более твоим мужем!

Госпожа Янь была шокирована и в панике сказала:

— Глупая девочка, как ты можешь говорить такие невероятные вещи! Даже если я разорву с ним отношения, ты всегда будешь его дочерью!

Гу Шэн сжала губы и подняла бровь:

— Ну хорошо, даже если я не смогу избавиться от этой связи, а ты? Если я выйду замуж, сможешь ли ты спокойно уйти отсюда, вернуться в дом герцога, снова выйти замуж или даже жить одной, это всё равно будет лучше, чем оставаться здесь!